

УДК 141.3:[130.2+130.3]

DOI: 10.37482/2687-1505-V274

ТЕРЕБИХИН Николай Михайлович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского музея центров биологического разнообразия Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 315 научных публикаций, в т. ч. 11 монографий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ГЕОИСТОРИОСОФИИ, ГЕОПОЭТИКИ И САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ¹

В статье представлены результаты исследований автора в области сакральной географии, геософии, мифопоэтики, семиотики пространства культуры Севера и Арктики, которые могут быть использованы в процессе разработки ценностно-смысловых и символических аспектов современных региональных программ и проектов пространственного развития северных территорий. Методологическую основу составили семиотический подход и герменевтика текстов традиционной поморской культуры и произведений, входящих в мифопоэтическое пространство Северного текста русской геофилософии и словесности. Основное внимание было уделено анализу геоисториософского дискурса «русского северянства», истолкованию символики «северо-восточной ориентации» и геокультурной идентичности Руси-России как «Востока на Севере» в сакрально-географических, геофилософских и мифопоэтических текстах. В статье определяется семиотический статус поморской «розы ветров» как осевого, лоцманского (вожевого) символа, знаменовавшего направления «божьей дороги» мореходов-странников в Северном Ледовитом океане и пучине вод «моря житейского». Установлено, что в сакральных метеорологических лоциях поморов, изложенных в «книгах мореходных», особым судьбоносным промыслительным значением наделялся северо-восточный ветер-полуношник, исторгавшийся из устрашающих нуминозных глубин «высокоширотного» поморского «инобытия». Важное место в статье отведено изложению религиозных (провиденциальных, эсхатологи-

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: terebihinn@mail.ru

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20502. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-20502/>

Для цитирования: Теребихин Н.М. Северо-Восточный текст русской геоисториософии, геопоэтики и сакральной географии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 104–113. DOI: 10.37482/2687-1505-V274

ческих) оснований традиционного русского образа (парадигмы) освоения пространства Севера и Сибири. Раскрыты механизмы культурно-семиотического трансфера (трансмиссии) русской «освоенческой» традиции, укорененные в святоотеческих недрах земского (соборного) строя «древлего благочестия». Отмечена знаковая роль творцов Серебряного века русской культуры в актуализации и развертывании Северо-Восточного текста русской геософии и геопозитики. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о доминантной, ключевой роли северо-восточной сакральной ориентации в предопределении и предзнаменовании геокультурных и геоисторических судеб России.

Ключевые слова: сакральная география, Северо-Восточный текст, русская геоисториософия, геопозитика, Север, Сибирь, «русское северянство».

В статье, основанной на результатах многолетних исследований автора в области семиотики пространства культуры, сакральной географии, геософии и геопозитики Севера и Арктики, раскрывается символика «северо-восточной ориентации», ее метафизический (метагеографический) статус и промыслительная (провиденциальная) роль в исторических судьбах России. Представленная работа вписывается в современный историософский и социокультурный дискурс «русского северянства», заданный трудами А.А. Кара-Мурзы [1–3], которые существенно расширяют проблемное поле историософии России и актуализируют североведческие штудии в области «северной цивилизации, северного текста русской литературы и философии Севера» [4, с. 154].

Анализируя историософское наследие известного деятеля Русского Зарубежья И.И. Бунакова-Фондаминского, начертавшего «Пути России» в контексте мировой истории, А.А. Кара-Мурза отметил, что «говоря о геокультурной идентичности России, Фондаминский отходит от привычной системы координат “Запад–Восток” или “Европа–Азия”, и предпочитает говорить о “России как Севере” <...> Погружая историю России в этот пространственный контекст, Бунаков-Фондаминский выдвигает оригинальную концепцию российской цивилизации как “Востока на Севере”» [5, с. 12].

И.И. Бундаков-Фондаминский включает Московское православное царство в «культурный округ Востока», в сакральное пространство великих восточных теократий, весь жизненный

уклад которых покоился на метафизических основаниях: «Весь строй народной души Московского царства – восточный, и весь стиль его культуры – с Востока. Православное Московское царство – великая восточная теократия. Как во всех восточных теократиях, вся жизнь Московского царства пронизана религией и верой в Бога. Нет автономного государства, хозяйства, права, нравственности, искусства и быта... Служение Богу и его земному наместнику – царю и есть основное начало московской жизни» [5, с. 13]. Если «восточность» определяет духовный облик и царственное величие России, то ее континентальная «северность» порождает чувство геополитического трагизма и замороженности русского северянского бытия в ледяной полярной пустыне Северной Евразии, на берегу «мертвого» ледовитого моря: «Трагедия России не только в том, что это самая “континентальная” страна на свете, что ее жизненные пункты отстоят на тысячу верст от морского берега. Трагедия России в том, что ее “береговое кружево” сковано льдами Ледовитого океана, что великие русские реки несут свои воды в этот “мертвый” океан» [5, с. 12]. В геософской концепции И.И. Бундакова-Фондаминского, «картографировавшего» Россию как «Восток на Севере», эти сакрально-географические румбы и координаты евразийской картины мира были наделены не только диаметрально противоположными мифопоэтическими коннотациями – «легендами» («Восток» – «цветущая сложность» жизни / «Север» – ледяной холод пустыни мертвого

арктического Средиземноморья), но и совмещены на ментальной карте Евразии сугубо механистически, без учета их мистического, мета-географического сопряжения, запечатленного на картоидах (чертежах) русской сакральной географии и метеорологии, в северо-восточном «историософском тексте» русской геофилософии и словесности, которые свидетельствуют о том, что «северность России», блестяще обоснованная в трудах известного российского североведа-этнолога и антрополога А.В. Головнева [6], должна непременно контаминироваться с ее «восточностью».

В традиционной поморской «розе ветров» как путеводном (ориентационном) священном знании и осевом навигационном символе, наставлявшем полярных мореходов на путь истинный и размечавших их спасительную «божьёю дорожку» в Дышущем море-океане, особое судьбоносное промыслительное значение уделялось северо-восточному ветру – «полуношнику», который вторгался в умиротворенный поморский космос из высоких «горних» широт Полуночных стран и пределов, источающих мистический свет Севера, прозреваемый духовидцами в «светописи» Полуночного солнца и лазорях полярного сияния. В мифопоэтическом образе поморского Борея-«полуношника» распознаются родовые, архетипические черты великих и ужасных Владык Севера, повелителей северных ветров, обладавших как разрушительной, так и созидательной мощью, амбивалентный характер которой порожден был изначальной недифференцированностью инобытийной области полярного центра мира, которая воспринималась «как нечто единое и одинаково противоположное миру обычному, профаническому. Переход от профанического к сакральному во всех случаях предполагал столкновение с периферией сакрального, с его “темной”, “негативной” стороной. И лишь по мере духовного пути к центру, к полюсу потустороннего, мрак “стражей порога” рассеивался и обнажался пресветлый мир сада, рая. Северная гора, ось мира рассматривалась в сакральной географии как раз как та точка, в которой происходит таинство

перехода от посюстороннего к потустороннему. Поэтому эта точка внушала благоговение и ужас одновременно. Традиционные цивилизации древности выработали довольно сходную, в общих чертах, картину, где северные земли, прилегающие к Полярной Горе, наделялись сугубо двойственным значением – это были регионы ада и рая одновременно, так как контакт с потусторонним, локализованным на Севере, означал вхождение в совершенно новую по сравнению с обыденным миром сферу, пугающую, опасную, но одновременно спасительную и духовную» [7, с. 606–607].

Космогенные и хаосогенные ипостаси Владыки Севера отражены в семантике поморского «списка имен» (ономастиконе) северо-восточного, полуночного ветра, мифопоэтика которого раскрывается в поморских речениях, бережно собранных и сохраненных памятливым гением Поморья – К.П. Гемп: «Ох, рванет полуношник нежеланный. // Встанет взводень, зарыдат. // Да свистит полуношник, пылит по морю-океану» [8, с. 143]; «Полуношник свищет, страшит» [8, с. 145]; «Ветер и гудит, и воет – все выдержишь, а как засвищет – поберегайся вдвое: то полуношник, шалой, свистун» [8, с. 155]. В наборе мифологических характеристик смертоносного ветра-полуношника (свистун, шалый, темный, ярый, буйный, пыльный) раскрывается хтонический (океанический) образ Владыки Севера – бога северного ветра (поморского Борея). Его владения («Полуночные страны», «Полуночное море») – царство холода и мрака, куда уходят души «взятых морем» людей. Полуношник – судьбоносный ветер, выпрядающий нити, вяжущий «морские узлы» и размеряющий версты жизненного пути помора. Как и «сухопутный» его брат – вихрь, он поднимает над морем столб пыли («На море пыль стоит страшная, лютует батюшко, полуношник его подбивает»). Слово «вихрь» (ветер) этимологически связано с глаголом «вить». Поморы никогда не говорили «начнется» ветер, но «завяжется». Столб водяной пыли, «завиваемый», «завязываемый» полуночным ветром до небес, и есть

та нить Ариадны, которая связывает поморскую судьбу с «компасной розой» смысложизненных ценностей северного бытия.

По словам известного русского писателя, «вдохновенного певца Поморья», запечатлевшего «поморские ветра» своей беломорской отчизны, П.Г. Кренева (Поздеева): «Северо-Восточный ветер, самый штормовой, разрушительный и холодный, зовущийся у поморов говорящим названием – “полуночник” дует напрямиком из акватории Баренцева моря. Нагулявший огромную силу на просторах двух морей, он гонит высокие волны и постепенно теряет страшную мощь в горах двух беломорских заливов: Онежском и Двинском. Большинство корабельных и рыболовецких трагедий разыгралось именно по причине сокрушительных ударов свирепого полуночника. У этого ветра есть и другие названия, не менее нелестные – рекостав, заморозник, моряна» [9].

«Полярное вторжение» поморского Борея, несущее хаос, смерть и разрушение, обладало и мощной порождающей («оплодотворяющей») энергией, символизируемой поморским женским ритуалом заклинания (призывания) ветра, а также огромным творческим мироустроительным потенциалом «вечной мерзлоты», скрепляющей сакральный криософский каркас севернорусского Домостроя [10].

Амбивалентность мифопоэтического образа ветра отмечается и в новейших лингвокультурологических исследованиях традиционной языковой картины мира поморов: «Эмоциональная оценка концепта ВЕТЕР в культурном сознании поморов амбивалентна: с одной стороны, ветер осмысливается поморами как “обитатель моря”, “друг вод морских”, “помощник”, “спокойствие”, с другой стороны, – как “опасность”, “разрушительная сила”, “неуправляемая стихия”, “холод”. Ветер воспринимается поморами преимущественно как сила антропоморфного характера, обитатель моря, живущий по своим временным циклам и законам, сосуществующий с человеком; фактор, от которого зависит промысел помора и уклад в целом» [11, с. 82].

Мифологема поморского ветра-полуночника полнее всего раскрывается в сопоставлении его с «соседним» образом финно-пермского бога северо-восточного ветра Войпеля, который входил в триаду верховных божеств зырянского языческого пантеона и почитался великим и ужасным Владыкой Севера, обитающим на Полярном Урале в горном «гнезде ветров».

Выдающийся коми философ-мифомыслитель, этнолог и геопоэт К.Ф. Жаков, которого именовали «зырянским Ломоносовым», создал эпическую поэму-сагу о таинственной колдовской стране северного Края Земли – Биармии, открытой европейскому миру отважными скандинавскими мореходами и воинами-викингами. Важное место в биармийской (финно-пермской) саге отведено изложению священного знания пермян, описанию их языческого пантеона. В жаковской «версии пантеона большое внимание уделяется Войпелю, не только как божеству северного ветра, но и как покровителю лесов. Его резиденция – на горе Тэлпозиз, “каменном гнезде ветров”, он чутко следит за нарушениями шумовых запретов, карая снежной бурей тех, кто издает любые звуки: поет, свистит, стучит и проч., проходя мимо святой горы. В мифопоэтике Жакова Войпель занимает место традиционного Вёрса “лесного” или лешего, и, если в других произведениях Жакова это был одиночный образ, то в поэме появляются дети Войпеля – Боги леса, лешие – они живут в пармах, семьями, в серых избушках, вихрем носятся по дремучим лесам» [12, с. 114–115].

По мнению известного российского востоковеда И.М. Стеблин-Каменского, имя зырянского бога северного ветра – Войпеля было заимствовано из индоиранского сакрального ономастикона: «Коми *вой* ‘ночь, север’ и *войпелт* ‘северный ветер’ усвоены из древнеиранского *vayu-* ‘смертельный северный ветер – ‘Вайу’, также с эпипетом *upara-(karya-)* ‘преодолевающий, побеждающий’ (воспеваемым как олицетворение смерти в зороастрийском тексте, читаемом на похоронах)» [13, с. 15].

Этимологические изыскания И.М. Стеблин-Каменского, распознавшего индоиранские

(арийские, индоевропейские) истоки имяславия финно-пермского Владыки Севера – бога Войпеля, открывают широкую перспективу сравнительно-мифопоэтического исследования северного сакрального «ветрового» ономастикона, исходящего из установленных и предполагаемых связей «Вайу» с «Ватой», с гоголевским «Виём», с богом германской мифологии – Вотаном (Воданом, Одином) – богом «бури и натиска», неистовства, одержимости, архаической (шаманской, воинской, поэтической) техники экстаза.

Лингвистические сравнительно-исторические исследования академика В.Н. Топорова в области индоевропейских древностей позволили ему воссоздать целостный мифопоэтический образ бога ветра в индийской мифологии: «Вата (др.-инд. Vata, собств. “ветер”), в ведийской мифологии божество ветра. Вата тесно связано с Ваю, на основании чего иногда объединяют эти два имени в единый мифологический образ <...> в ряде случаев Вата обожествленная сила ветра. В “Ригведе” ему посвящено два небольших гимна <...>. Вата узнают не по его образу, а по свисту, зазыванию. Его колесница, запряженная конями <...>, мчится, все сокрушая, грохоча, порождая красноватые отблески, вздымая пыль, по земле и по воздуху. За Вата следуют вихри. Вата – первожденный, он – дитя мира, друг вод, дыхание богов, подчинен космическому порядку. Он никогда не отдыхает, с ним на его колеснице всегда находится бог – царь всего мира. Помимо Индры Вата связан с богом грозовой тучи и дождя Парджаньей <...>. Отсюда и связь Вата с дождем <...>, бурей, грозой» [14, с. 219].

Мифологема ветра и, прежде всего, ее борельный извод средиземноморской (черноморской) «Боры» («Северо-Востока», «Норд-Оста») занимает чрезвычайно важное место в геофилософии и геопоэтике Серебряного века, эсхатологические ожидания, прозрения и умозрения которого актуализировали и эксплицировали провиденциальный геосториософский текст России как «Востока на Севере», подлинным мифографом и гимнографом которого явился вели-

кий русский геопоэт-пророк М. Волошин, воспевавший «жгучий ветер полярной преисподней»:

*Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек –
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный Северовосток.*

<...>

*Этот ветер был нам верным другом
На распутье всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу выюгам*

< ... >

*В этом ветре вся судьба России –
Страшная, безумная судьба.*

<...>

*Нам ли весить замысел Господний,
Все пойдем, все вынесем любя –
Жгучий ветер полярной Преисподней –
Божий Бич! – приветствую тебя!*

Известный специалист в области истории русской литературы рубежа XIX–XX столетий Д.М. Магомедова, сопоставляя «блоковскую» и «волошинскую» интерпретации «пушкинского» мифа о бесовстве, пришла к выводу о том, что «ветровая», «бесовская» символика пути в поэме А. Блока «Двенадцать» означает шествие отряда красногвардейцев, в то время как в стихотворении М. Волошина «Северо-Восток» она знаменует «исторический путь русской нации» [15, с. 46].

И.Л. Бражников, исследовавший мифологе-му ветра в структуре историософского текста русской революции в художественной литературе XIX–XX веков, отмечал, что «этот буйный и страшный “бесовский” ветер здесь оказывается интимно близок России. Это не сама она (у Волошина, как и у Блока, Россия – всегда женственное начало), но это ее другой: ветер-друг, ветер-сопровождающий – ветер-судьба России. Судьба же для символистов почти синонимична истории, которая понимается ими... как осуществление провиденциальных целей, замысла Творца. Таким образом, ветер – это время, ветер – это дыхание или дух истории. <...> это исторический путь русского народа, географический вектор которого в самом деле направлен на северо-восток» [16, с. 147].

Исследователь историософии и поэтики книги М.А. Волошина «Путями Каина» Г.П. Опарин отмечает, что северо-восточный ветер является образным выражением неизменности России, ее судьбы и национального характера [17, с. 158–159].

Значимый вклад в разработку геоисториософского дискурса России как Северо-Востока вносит концепция М.Ю. Лотмана, который, анализируя семиотику пространства страха в русской культуре, пришел к выводу о том, что в системе сакрально-географических ориентаций российский «Северо-Восток – это не самостоятельное направление и не компромисс между северным и восточным направлениями, а именно Восток, причем, если можно так выразиться, Восток в его крайнем выражении <...> Таким образом, идентификация Востока с Северо-Востоком получает и сакральное измерение. Северо-Восточное направление имеет явное преимущество перед всеми остальными, оно тесно связано с самой судьбой России <...>: (1) не важно, светлая миссия или злой рок, но на Северо-Востоке – судьба России, (2) Северо-Восток – это одновременно и самая сердцевина России, и запредельное по отношению к ней пространство, (3) это пространство пустынное, опасное и враждебное..., (4) Северо-Восток – это пространство специфической русской духовности, пространство русской идентичности» [18, с. 27].

Совместность иеротопосов Севера и Востока очевидным образом представлена в древнерусском сказании «О человецах неизвестных в Восточной стране», в котором речь идет о коренных насельниках Севера, обитающих в «полуночных странах» и пределах «лукоморского мифа». Соположение Севера и Востока на ментальных картах святой Руси имеет первостепенное значение для постижения сакральной природы традиционной русской ценностно-смысловой парадигмы-матрицы освоения пространства, которая не была отягощена утилитарным целеполаганием материального присвоения и трансформации земель и водных просторов Севера и Сибири, но прообразовывала эсхатологический исход симфонической соборной личности «многона-

родного» русского народа на Восток, в райскую преображенную страну «нового неба и новой земли». Образ «страны Востока» являлся путеводным знаменем Русского мира в процессе его продвижения не только в «географически» восточные земли Сибири, но и в «эсхатологически» восточные земли Севера. Поэтому доместикацию географического пространства Севера, Сибири и Дальнего Востока следует рассматривать как единый непрерывный процесс развертывания священного свитка «русской идеи», направлявшей человека на поиски чаемой обетованной земли – Царства Небесного Иерусалима Нового. По словам известного церковного деятеля Русского Зарубежья священника Алексея Буткевича, исследовавшего религиозный смысл движения русского народа на Восток, «встречь солнцу»: «Русское государство распространяло свою власть и свои государственные пределы в XVII-м веке по бассейнам исполинских рек сибирских не отвагою какого-либо одного полководца, не силою массы организованных войск, не завоевательными планами высшего правительства, а именно самобытною предприимчивостью, великим русским духом – духом Христовым, владеющим русской народностью <...> Если это так, то движение русских на Восток следует рассматривать не только как историческое явление, имеющее по своему влиянию на судьбы мировой истории огромную важность, но и как некое провиденциальное действие, руководившее духовными силами русского народа и возложившее на него высокую миссию во исполнение эсхатологических слов евангельских» [19].

Идеями, символами и образами эсхатологического исхода из падшего града – блудницы «Вавилонской» в святую землю «Беловодья» пронизан общинный религиозный быт и уклад староверов-странников, игравших важную роль в духовном освоении и просвещении Севера и Сибири. Известная исследовательница истории и феноменологии сибирского старообрядчества Е.Е. Дутчак разработала концептуальную модель конфессиональной миграции таежных общин староверов-странников, которая в принципе, обладая высоким эвристическим потенциалом,

вполне приложима к анализу иных религиозных переселенческих (освоенческих) движений: «Конфессиональная миграция есть движение, преследующее не просто духовные цели. Она связана с представлениями о важности выполняемой миссии, в случае со староверием – миссии спасения “древлего благочестия”. Поэтому, во-первых, правила культурного и витального жизнеобеспечения в пути, которых будет придерживаться старовер-странник, должны не просто сохранять народное понимание путешествия/странствования, но и отражать “старобрядческую специфику” (эсхатологическое осмысление происходящего; особые ритуалы, сопровождающие дорожные контакты). Во-вторых, сама ситуация поиска нужной географической точки обязательно будет связана с символической оценкой пространства, способностью оценивать любой физический объект по религиозно-нравственным критериям» [20, с. 26].

Святая земля Беловодья, незримый град Китеж, искомые русскими «паломниками в стране Востока», обретаются лишь на путях восхождения по духовной лестнице в высоких широтах циркумполярного космического Норда (Севера): «Этот мистический сверхчувственный Восток, место Зарождения и Возвращения, цель вечного Поиска, есть ничто иное, как небесный полюс; это Полюс с заглавной буквы, крайний север, столь крайний, что его можно считать порогом “инобытийного” измерения <...> Orient, искомый мистиком, Восток, не находящий себе места на наших картах, расположен в направлении севера, по ту сторону севера. Приблизить нас к этому космическому северу, избранному как точка ориентации, может лишь движение, направленное вверх» [21, с. 18–19].

«Пороговые» «инобытийные» просторы Севера предназначено было осваивать и обживать народам-странникам, наделенным особым даром мистического умозрения, экстатического и эсхатологического мирозерцания. Таковы скандинавы эпохи викингов со своим духовным вождем – воином и вечным странником, шаманом и поэтом – богом Одином. Таковы саамы, ненцы, коми-зыряне и другие народы Севера и Арктики, чей духовный склад и весь кочевой образ жизни были воплощены в образе колдуна-шамана, ведущего странников-номадов не по земле их тайги и тундры, но по космографии Мирового Древа – древа жизни и смерти, древа поэзии и познания. Таков, наконец, и русский народ – странник, который в поисках «последней», «Божьей» правды, обетованной земли – Небесного Царства Иерусалима Нового, – поднялся до «высоких широт» мироздания, где ему в мистическом озарении, в молчаливой молитве (священномолчании-исихии) открылись запредельные светоносные уже не пространства, но просторы Севера, распахнулся весь «белый свет» и, как небесные знамения обретенной реальности инобытия, запылали сполохи и лазури полярного сияния.

Северо-восточные румбы «хождения» русского народа «за три моря» направляли его не по широкому торным дорогам навстречу обыденному дневному солнцу географического Востока, но по узкому нуминозному, неведомому пути «встречь» Полуночному солнцу сверхчувственного духовного Востока, на поиски которого устремлялись очарованные странники, мифомыслители и геопоэты-мифотворцы, соткавшие путеводное полотно Северо-Восточного текста русской геоисториософии и геопоэтики.

Список литературы

1. *Кара-Мурза А.А.* Концепция «русского северянства» в героических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности) // Полит. концептология: журн. метадисциплинар. исслед. 2017. № 3. С. 187–194.
2. *Кара-Мурза А.А.* «Русское северянство» князей Вяземских (к вопросу о национальной идентичности) // Вопр. философии. 2018. № 3. С. 5–13.
3. *Кара-Мурза А.А.* У истоков «русского северянства»: споры о Ломоносове (конец XVIII – начало XIX вв.: Муравьев, Карамзин, Батюшков) // Полилог=Polylogos. 2022. Т. 6, № 1. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110019114-7-1/> (дата обращения: 07.04.2023). DOI: [10.18254/S258770110019114-7](https://doi.org/10.18254/S258770110019114-7)

4. *Тюгашев Е.А., Шумахер А.Е.* Социокультурный феномен «русского северянства» // *Личность. Культура. Общество.* 2021. Т. 23, № 3(111). С. 151–156. DOI: [10.30936/1606_951X_2021_23_3_151_156](https://doi.org/10.30936/1606_951X_2021_23_3_151_156)
5. *Кара-Мурза А.А.* Восточная теократия на севере Евразии: «пути России» в историософии И.И. Бунакова-Фондаминского // *Филос. журн.* 2021. Т. 14, № 2. С. 5–20. DOI: [10.21146/2072-0726-2021-14-2-5-20](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-2-5-20)
6. *Головнёв А.В.* Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.
7. *Дугин А.* Абсолютная Родина. М.: Арктогея-центр, 1999. 752 с.
8. *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983. 239 с.
9. *Кренёв П.* Поморские мои ветра. Шелоник // *Журн. мир.* URL: <https://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/content/pomorskie-moi-vetra-shelonik> (дата обращения: 07.04.2023).
10. *Теребихин Н.М., Мелютина М.Н.* Мифопоэтические аспекты традиционной поморской криософии и антропологии холода: реконструкция и интерпретация // *Вестн. Сев. (Арктич.) фед. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки.* 2021. Т. 21, № 4. С. 122–133. DOI: [10.37482/2687-1505-V123](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V123)
11. *Ильина Е.В.* Объективация концепта ветер в языковой картине мира поморов (на материале «Словаря поморских речений» К.П. Гемп) // *Международ. науч.-исслед. журн.* 2013. № 4-2(11). С. 80–82.
12. *Лимеров П.Ф.* Поэма «Биармия» как итог исследовательской деятельности Каллистрата Жакова по реконструкции древнего мировоззрения коми-зырян // *Изв. Коми науч. центра УрО РАН.* 2015. Вып. 1(21). С. 110–116.
13. *Гаты Заратуштры / пер. с авест., вступ. ст., коммент. и прил. И.М. Стеблин-Каменского.* СПб.: Петерб. Востоковедение, 2009. 182 с.
14. *Топоров В.Н.* Вата // *Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. Т. 1: А–К. / гл. ред. С.А. Токарев.* М.: Сов. энцикл., 1991. С. 219.
15. *Магомедова Д.М.* Блок и Волошин: (Две интерпретации мифа о бесовстве) // *Блоковский сборник.* Вып. XI. Тарту: Тартус. ун-т, 1990. С. 39–49. (Уч. зап. Тартус. ун-та; Вып. 917).
16. *Бражников И.Л.* Русская литература XIX–XX веков: историософский текст. М.: МПГУ, 2011. 240 с.
17. *Опарин П.Г.* Книга М.А. Волошина «Путями Каина» в литературном контексте первой трети XX века: историософия и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2005. 190 с.
18. *Лотман М.* О семиотике страха в русской культуре // *Семиотика страха / сост. Н. Букс, Ф. Конт.* М.: Рус. ин-т: Изд-во «Европа», 2005. С. 13–35.
19. *Буткевич А.* Религиозный смысл движения русских на Восток в XVII–XVIII веках // *Импер. арх.* URL: <http://archive-khvalin.ru/predel-rossii/> (дата обращения: 07.04.2023).
20. *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007. 414 с.
21. *Корбен А.* Световой человек в иранском суфизме. М.: Сандра, 2013. 240 с.

References

1. Kara-Murza A.A. Kontseptsiya “russkogo severyanstva” v geroicheskikh odakh G.R. Derzhavina (k voprosu o rossiyskoy identichnosti) [The Concept of “Russian Northernerdom” in the Heroic Odes by G.R. Derzhavin (on the Issue of Russian Identity)]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, 2017, no. 3, pp. 187–194.
2. Kara-Murza A.A. “Russkoe severyanstvo” knyazey Vyazemskikh (k voprosu o natsional’noy identichnosti) [“Russian Northerness” of the Vyazemsky Princely Family (on National Identity)]. *Voprosy filosofii*, 2018, no. 3, pp. 5–13.
3. Kara-Murza A.A. At the Origins of “Russian Northernism”: Disputes About Lomonosov (Late 18th – Early 19th Centuries: Muravyov, Karamzin, Batyushkov). *Polylogos*, 2022, vol. 6, no. 1. Available at: <https://polylogos-journal.ru/s258770110019114-7-1/> (accessed: 7 April 2023) (in Russ.). DOI: [10.18254/S258770110019114-7](https://doi.org/10.18254/S258770110019114-7)
4. Tyugashev E.A., Shumakher A.E. Sotsiokul’turnyy fenomen “russkogo severyanstva” [Sociocultural Phenomenon of “Russian Northerness”]. *Lichnost’. Kul’tura. Obshchestvo*, 2021, vol. 23, no. 3, pp. 151–156. DOI: [10.30936/1606_951X_2021_23_3_151_156](https://doi.org/10.30936/1606_951X_2021_23_3_151_156)
5. Kara-Murza A.A. Vostochnaya teokratiya na severe Evrazii: “puti Rossii” v istoriosofii I.I. Bunakova-Fondaminskogo [Eastern Theocracy in Northern Eurasia: “The Ways of Russia” in the Historiosophy of I.I. Bunakov-Fondaminsky]. *Filosofskiy zhurnal*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 5–20. DOI: [10.21146/2072-0726-2021-14-2-5-20](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-2-5-20)
6. Golovnev A.V. *Severnost’ Rossii* [Russian Northerness]. St. Petersburg, 2022. 450 p.
7. Dugin A. *Absolyutnaya Rodina* [The Absolute Motherland]. Moscow, 1999. 752 p.
8. Gemp K.P. *Skaz o Belomor’e* [A Tale of the White Sea]. Arkhangelsk, 1983. 239 p.

9. Krenev P. Pomorskie moi vetra. Shelonik [My Pomor Winds. Shelonik]. *Zhurnal'nyy mir*. Available at: <https://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--p1ai/content/pomorskie-moi-vetra-shelonik> (accessed: 7 April 2023).

10. Terebikhin N.M., Melyutina M.N. Mythopoetic Aspects of Traditional Pomor Cryosophy and Anthropology of the Cold: Reconstruction and Interpretation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 122–133. DOI: [10.37482/2687-1505-V123](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V123)

11. Il'ina E.V. Ob'ektivatsiya kontsepta veter v yazykovoy kartine mira pomorov (na materiale "Slovara pomorskikh recheniy" K.P. Gemp) [Objectification of the Concept of Wind in the Linguistic Worldview of the Pomors (Based on the *Dictionary of Pomor Phrases* by K.P. Gemp)]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2013, no. 4-2, pp. 80–82.

12. Limerov P.F. Poema "Biarmiya" kak itog issledovatel'skoy deyatelnosti Kallistrata Zhakova po rekonstruktsii drevnego mirovozzreniya komi-zyryan [The Poem "Biarmia" as a Result of Kallistrat Zhakov's Research Activities on the Reconstruction of the Ancient Komi-Zyrian World Outlook]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*, 2015, no. 1, pp. 110–116.

13. *Gaty Zaratushtry* [The Gathas of Zarathushtra]. St. Petersburg, 2009. 182 p.

14. Toporov V.N. Vata. Tokarev S.A. (ed.). *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 1: A–K. Moscow, 1991, p. 219.

15. Magomedova D.M. Blok i Voloshin: (Dve interpretatsii mifa o besovstve) [Blok and Voloshin (Two Interpretations of the Myth of the Possessed)]. *Blokovskiy sbornik* [Blok Collection]. Iss. 11. Tartu, 1990, pp. 39–49.

16. Brazhnikov I.L. *Russkaya literatura XIX–XX vekov: istoriosofskiy tekst* [Russian Literature of the 19th – 20th Centuries: A Historiosophical Text]. Moscow, 2011. 240 p.

17. Oparin P.G. *Kniga M.A. Voloshina "Putyami Kaina" v literaturnom kontekste pervoy treti XX veka: istoriosofiya i poetika* [M.A. Voloshin's Book *The Ways of Cain* in the Literary Context of the First Third of the 20th Century: Historiosophy and Poetics: Diss.]. Kirov, 2005. 190 p.

18. Lotman M. O semiotike strakha v russkoy kul'ture [On the Semiotics of Fear in Russian Culture]. Buhks N., Conte F. (comps.). *Semiotika strakha* [Semiotics of Fear]. Moscow, 2005, pp. 13–35.

19. Butkevich A. Religioznyy smysl dvizheniya russkikh na Vostok v XVII–XVIII vekakh [Religious Meaning of the Movement of Russians to the East in the 17th – 18th Centuries]. *Imperskiy arkhiv* [Imperial Archives]. Available at: <http://archive-khvalin.ru/predel-rossii/> (accessed: 7 April 2023).

20. Dutchak E.E. *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.)* [From "Babylon" to "Belovodye": Adaptive Capabilities of the Taiga Communities of Old Believers Called "Wanderers" (Second Half of the 19th – Early 21st Centuries)]. Tomsk, 2007. 414 p.

21. Corbin H. *L'Homme de lumière dans le soufisme iranien*. Chambéry, 1971. 230 p. (Russ. ed.: Korben A. *Svetovoy chelovek v iranskom sufizme*. Moscow, 2013. 240 p.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V274

Nikolay M. Terebikhin

N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X> e-mail: terebihinn@mail.ru

THE NORTH-EASTERN TEXT OF RUSSIAN GEOHISTORIOSOPHY, GEOPOETICS AND SACRED GEOGRAPHY

This article presents the results of the author's research in the field of sacred geography, geosophy and mythopoetics, as well as semiotics of the cultural space of the North and the Arctic, which can be used in the process of elaborating the value-semantic and symbolic aspects of modern regional

For citation: Terebikhin N.M. The North-Eastern Text of Russian Geohistoriosophy, Geopoetics and Sacred Geography. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 104–113. DOI: 10.37482/2687-1505-V274

programmes and projects for the spatial development of the northern territories. The methodological basis for the study is the semiotic approach and hermeneutics of the texts of the traditional Pomor culture and works included in the mythopoetic space of the Northern text of Russian geophilosophy as well as written and oral literature. Primary attention in the study is paid to the analysis of the geohistoriosophical discourse of "Russian northerness", interpretation of the symbolism of the "north-eastern orientation" and geocultural identity of Rus' (Russia) as the "East in the North" in sacred-geographical, geophilosophical and mythopoetic texts. The paper defines the semiotic status of the Pomor wind rose as an axial, pilot symbol, which marked the directions of the "God's way" for wandering sailors in the Arctic Ocean and in the depths of the "sea of life". It has been established that in the sacred meteorological sailing directions of the Pomors, set out in the "nautical books", a special fateful, providential significance was attached to the northeast "midnight" wind, which erupted from the frightening numinous depths of the "high-latitude" Pomor "otherness". An important part of the article is the presentation of the religious (providential, eschatological) foundations of the traditional Russian image (paradigm) of the exploration of the North and Siberia. Further, the mechanisms of cultural-semiotic transfer (transmission) of the Russian exploratory tradition, rooted in the patristic depths of the zemstvo (sobor) system of "ancient piety", are described. In addition, the significant role of the creators of the Silver Age of Russian culture in the actualization and expansion of the North-Eastern text of Russian geosophy and geopoetics is noted. The research conducted allows us to draw a conclusion about the dominant, key role of the north-eastern sacred orientation in predetermining and foreshadowing the geocultural and geohistorical destinies of Russia.

Keywords: *sacred geography, North-Eastern text, Russian geohistoriosophy, geopoetics, North, Siberia, "Russian northerness".*

Поступила 14.04.2023

Принята 10.08.2023

Опубликована 25.09.2023

Received 14 April 2023

Accepted 10 August 2023

Published 25 September 2023